

ББК 86.37
Х70

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
ONCE UPON A PRINCE
by Rachel Hauck.

Published by arrangement with The Zondervan Corporation,
a subsidiary of HarperCollins Christian Publishing, Inc.
Translated by permission.

Russian edition 2017 © Mission Visson
All rights reserved.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

Хок, Рейчел

Х70 Жил-был принц / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2017. — 432 с. —
(Королевские свадьбы).

«Жил-был принц», первый роман из серии «Королевские свадьбы», — это волнующая любовная история современной Золушки, встретившей своего принца, которая, несомненно, придется по душе всем поклонникам этого жанра.

ББК 86.37

Посвящается
Кендалл Алексис, Элизабет Грейс (Грейси),
Сюзанне Рэй и Эйвери Лиллиан.
Возрастайте духовно, чтобы стать женщинами,
угодными Богу, для Которого
вы все принцессы.

ПРИНЦ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«*Что он сказал?*» Должно быть, ветер, налетевший с Атлантики, заглушил и спутал слова. «*Я не могу на тебе жениться?*»

Сюзанна остановилась так резко, что закачались резиновые шлепанцы, которые она, надев на кончики пальцев, несла в руках. Ведь это какая-то ошибка? Предвечерний прибой размывал под ногами песок и отползал, унося его в океан. Адам продолжал шагать впереди. Он даже не заметил, что, оглянувшись, рискует потерять из виду свою спутницу.

— Эй, погоди... — Солнце пронзило золотыми лучами клубившиеся на севере темно-синие, словно офицерская форма, грозовые тучи, и на миг просиял сумеречный горизонт. — Адам, что ты сказал?

Ее ноги зашлепали по мокрому песку, оставляя тающие в глазах следы.

— Это все так сложно, Сюз, — произнес он и остановился. Бриз принялся трепать его пляжные шорты.

— Что сложно?

С какими трудностями воевавший в Афганистане человек мог столкнуться на пляже острова Сент-Саймонс?

Волосы развевались вокруг ее обращенного к рассеивающимся тучам лица. Это уже не первая буря, омрачившая

душу Адама Питерса после его возвращения со Средне-го Востока*. Опять у него внутри какой-то разлад. Ничего, вместе они через это пройдут. Уж в который раз. Склонив голову набок, Сюзанна перехватила его уклончивый взгляд:

— Ну, что? Что тебя мучит? Отвык от Америки? Скучаешь по сослуживцам? За эти шесть лет ты отслужил четыре раза. Можно уже наконец пожить для себя. — Она взяла его за руку и по-детски ее покачала, поддразнивая Адама и вызывая его на разговор. — Ты потрясающий моряк. И дома, и когда сражаешься на передовой.

— Сюз... — От его тона и от того, как поникли его могучие плечи, у нее сжалось сердце. — Дело в этом... — Адам указал на девушку, потом на себя. Из-под короткого рукава белой футболки выглянула часть красно-синей татуировки *semper fi***.

— В чем? — Она огляделась по сторонам. — В нашей прогулке?

Он поморщился:

— Нет, Сюз. При чем здесь наша прогулка?

— Не знаю. Ты первый начал. — Нетерпение — признак назревающей ссоры. — Прости, но мысли я читать не умею. Что тебя гложет? Что-то произошло, пока ты был в отъезде? Перед самым возвращением? — Сюзанна подбрасывала вопросы, пытаясь разговаривать Адама. Она видела, как тяжело ему облечь в слова причину своей хандры.

За плечами Сюзанны было целых двенадцать лет отношений. Двенадцать лет романа, который то шел на спад, то вспыхивал с новой силой. Поездок в Куанти-

* Ближний Восток вместе с Ираном и Афганистаном. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** От *semper fidelis* (лат.) — букв. всегда верен (с 1883 г. девиз Корпуса морской пехоты США).

ко, где Адам учился на офицера*. Выходных в Атланте, где она начинала свою карьеру ландшафтного архитектора. Адам четырежды отправлялся служить на Средний Восток. И четырежды возвращался домой.

Двенадцать лет они обменивались бумажными и электронными письмами, созванивались по телефону. Двенадцать лет гуляли по пляжу, смеялись за стойкой «Rib Shack», поедая в свете качавшихся в полумраке гирлянд копченые ребрышки и вытирая струйки соуса со своих подбородков. Грустили и радовались, разочаровывались и смирялись, ссорились и просили друг у друга прощения.

Все эти воспоминания были для Сюзанны лишь частью картины. Лишь обещанием чего-то большего. Взаимного посвящения друг другу. Брака. Совместной старости в коттедже на острове Сент-Саймонс.

Сегодня шел третий день с тех пор, как Адам вернулся домой, и почти все это время он просто проспал, а когда наконец позвонил Сюзанне на работу и попросил о встрече, девушка пулей вылетела на улицу, даже никого не предупредив о своем уходе.

Прогулка вдвоем по пляжу? Для нее это было уже достаточно романтично. В душе воскресли надежды: вот-вот ее моряк объяснится в любви, преклонит колено, достанет из кармана кольцо с бриллиантом...

И хотя ей всегда грезились помолвка под Дубом влюбленных, но не привередничать же в такую минуту! Если Адам сделает ей предложение, она ему не откажет. Независимо от места и времени.

Да, но происходящее так не похоже на прелюдию к предложению! Он едва смотрит на свою спутницу. Плечи напряжены, взгляд мрачен, настроение подавленное.

* Речь идет об учебном центре Корпуса морской пехоты США в Куантико (штат Вирджиния), в котором проходят подготовку будущие офицеры, а также располагается база переподготовки офицерского состава.

— Адам, поговори со мной. Что произошло?

— Я же сказал, все непросто. — Моряк запрокинул голову и с прищуром уставился на кружащую в небе чайку. — Даже не знаю, Сюз...

— Чего ты не знаешь?

— А дождя, кажется, не будет. — Он указал на солнечную прореху в сонме темнотных туч и вновь зашагал вперед.

— Адам, стой... — Его поведение разбудило спавшую в сердце тревогу. Ту, с которой она сроднилась еще в детстве, прячась у себя в комнате, пока родители бранились на кухне, так что посуда билась об стены, и пускали в ход такие слова, которые дочь и теперь не решилась бы повторить. — Перестань от меня убегать! — Сюзанна вновь потянулась к его руке. В ее сердце уже потихонечку проникала уверенность, что ветер вовсе не помешал ей расслышать *те слова*. Ее жениха беспокоил не Афганистан, а их отношения. — Ты и вправду сказал, что не можешь на мне жениться?

— Я приготовился, даже отрепетировал речь. — Он посмотрел на девушку чуть прищуренными глазами цвета теплого шоколада. — Знаешь, все-таки ты изумительная.

— Я догадываюсь. — Вместо того чтобы рассеять худшие ее опасения, это признание только усилило их. Куда клонит Адам? Его всегда было трудно понять, когда он замыкался в себе.

Адам опустил на песок и обхватил руками колени.

— Я всегда скучал по морю. Мы с парнями на самодельных досках «катались» по дюнам. — Покачав головой, он широко взмахнул рукой и присвистнул, а потом забавно изобразил звук взрыва. — Бум, ба-а-а-бах! Песок набивался в такие места, о которых мы даже не подозревали, что они у нас есть.

— Звучит забавно, — ласково подначила его Сюзанна, побуждая продолжать и наконец подыскать слова для описания царившего в душе моряка хаоса. Она уселась рядом и зарыла пятки в песок. Ветер тут же принялся путать перед ее глазами волосы. — Ты начал говорить о том, какая я изумительная. — Девушка чуть толкнула парня плечом.

Со дня своего возвращения Адам ни разу не заговаривал с ней о любви. За двенадцать лет страсть не могла не поизноситься. Однако если он по-прежнему считает ее изумительной...

— На моей памяти ты единственная девушка, прождавшая парня двенадцать лет. Пока я учился в колледже, учился на офицера, служил... Четырежды за шесть лет уезжал... — Адам протянул руку, поймал ее развевающиеся на ветру волосы и пропустил их сквозь пальцы.

— Не то чтобы я сидела на месте и дожидалась. Я тоже окончила колледж, выучилась на ландшафтного архитектора, устроилась на работу в крупную модную фирму «Atlanta» и...

— И теперь твой начальник — Кейдж Стоун.

— Ой, перестань... — Она пристально за ним наблюдала. — Так вот что тебя тревожит? Моя работа на Кейджа? Не может быть. — Когда-то они втроем окончили школу. Крепко дружили, покуда время и обстоятельства не разметали их в разные стороны. — Сначала-то я, вернувшись, устроилась к Ричарду Торнтону, он был самым выдающимся архитектором по ландшафту на всем Юге. Кто же знал, что месяц спустя его не станет?

Она бы не вернулась на остров, если бы не настойчивые приглашения Ричарда Торнтона. Работа у него предполагала полную свободу творчества.

— Ну да, его смерть никак не могла входить в твои планы.

— Конечно.

Аневризма. В каких-нибудь шестьдесят. Он скончался за чертежным столом. Скорбящая вдова поспешила закрыть контору. Тогда Сюзанна получила свою первую и по сей день последнюю зарплату.

— Что же ты не вернулась в «Atlanta»?

Сюзанна подняла брови:

— Ты вообще когда-нибудь меня слушаешь? Мы это уже обсуждали.

— Да-да, теперь вспоминаю. Тебе понравилось дома, ведь так?

— Прилетев домой, — задумчиво произнесла она, зачерпнув горсть песка и позволив ему ссыпаться сквозь пальцы, — я почувствовала, что должна остаться.

В день погребения Ричарда мама внесла ее в рабочий график «Rib Shack» сразу на несколько смен, заявив, что, мол, это семейный бизнес и нечего Сюзанне убежать от того, что принадлежит ей по праву. Таким образом она устроила дочь к себе на работу, не заставляя ее об этом просить. Мама и так в свое время достаточно повозмущалась, когда ее старшенькая уехала на учебу в колледж: дескать, а кто же будет драить полы и обслуживать столики? Сюзанна с радостью приняла мамино предложение, чтобы выиграть время и обдумать свой следующий шаг. А тут, буквально месяц спустя, на остров вернулся Кейдж и открыл свое дело.

— Как тебе с ним работается?

— Непросто. Он, будто гончий пес на добычу, кидается на любую работу, но при нынешнем состоянии экономики люди не спешат расставаться с деньгами. Хорошо хоть «Rib Shack» помогает сводить концы с концами.

Адам рассмеялся:

— Представляю, как твоя мама рада... снова видеть тебя в строю.

— Она понимает, что это временно.

Сюзанна особенно выделила голосом последнее слово. Сколько можно ходить вокруг да около? Ее больше ничто не держало на острове. Она только и дожидалась, когда вернется Адам и сделает ей предложение.

— Сюз... — Он откашлялся. — Я принял новое назначение. В федеральный округ Колумбия.

— Колумбия? Ладно... — Пожалуй, она могла бы переехать в Колумбию. — У меня есть связи в Вирджинии. Там в одной фирме работает моя знакомая... — Сюзанна полезла в карман шорт за мобильником. — Поставлю напоминание, чтобы завтра не забыть с ней созвониться.

Адам накрыл ее ладонь своей:

— Я не могу дать тебе то, что ты хочешь.

— Н-н-не понимаю, о чем ты. — Ее взгляд затуманился. — Чего я такого, по-твоему, хочу?

— Замуж.

— Не просто замуж, Адам. А за тебя. — Поморгав, она подняла на него прояснившиеся глаза.

Они же собирались пожениться. Еще на втором курсе колледжа все было решено.

Адам вздохнул и переменил позу. Сердце Сюзанны обожгло недоброе предчувствие.

— Помнишь, ты спросила, что случилось в Афганистане? — Стянув с ноги ботинок, он стал вытряхивать из него песок. — Я кое с кем познакомился... — Его голос дрогнул от недостатка мужества. — Вообще-то мы познакомились еще в учебном корпусе.

— У... у тебя кто-то появился? Семь лет назад?

— Она тогда встречалась с парнем, а у меня была ты. Но все это время мы оставались друзьями. А на этот раз попали в одну разведгруппу. — На мгновение Адам вновь стал похож на военного человека: плечи невольно расправились, в глазах появились блеск и уверенность

в собственных силах, но тут же он снова ссутулился, как человек, разрывающий отношения со своей девушкой и не знающий, куда деться от неловкости.

— Значит, ты... с кем-то там... познакомился? — глухо вымолвила Сюзанна. От нее упорно ускользал смысл сказанного. «*Может, все это сон?*»

Порыв ветра, пропитанного ароматом дождя, остудил ее пылающее лицо и глаза, которые вдруг начало щипать.

— Ее зовут Шери. Мы...

— И ты столько времени молчал? — Большим пальцем ноги она на песке начертила дугу. — Адам, полевые романы редко бывают удачными, так ты всегда говорил. А мы... у нас с тобой все получится. — Подавив в себе приступ отчаяния, она продолжала: — Ты сам только что мне сказал, что ни один моряк не может похвастаться девушкой, которая ждала бы его двенадцать лет.

— Знаю, и это чистая правда. Однако, Сюз, тебе никогда не приходило на ум, что двенадцать лет свиданий — это чересчур долгий срок, чтобы дожидаться кого-то? Хотя бы и военного моряка?

— Да, но у нас был план...

Сюзанна всегда обожала планы. Они упрощали жизнь, облегчали ее, делали предсказуемой. Даже *дурацкий* план — вроде того, чтобы беззаветно ждать, пока Адам отслужит, приедет на остров и женится, — казался ей лучше, чем совсем никакого плана. А жених тем временем дослужился до капитана и продолжал уезжать добровольцем. Все крутилось вокруг его карьеры и чувства долга.

Сюзанна была не против. Она не возражала. Она же любила, а настоящая любовь терпелива, не так ли?

— План. Раз и навсегда. — Адам тяжело вздохнул. — Сюз, а ты никогда не думала, что план можно изменить... ведь и мы уже изменились? Тебе не кажет-

ся, что мы оставались вместе лишь потому, что так нам было удобнее? Что мы не столько любили друг друга, сколько лелеяли само представление о «нас двоих»?

— Представление о «нас двоих»? С чего ты взяла? Ну да, мне нравится думать о нас двоих — но как раз потому, что мне нравится быть с тобой.

— Ты любишь свой план, Сюз, а не меня. — Его слова серебряными пулями пронзали ее сердце.

— Да как же можно влюбиться в план? Ты с ума сошел? — Она вскочила и принялась отряхивать шорты. — Хочешь со мной порвать? Ладно. Но только не обвиняй в этом меня. Какая девушка стала бы ждать двенадцать лет... — О, внезапно эти годы показались ей целой вечностью! — ...из любви к какому-то *плану*? Для этого надо быть не в своем уме!

«Да, но планов же нужно придерживаться!» Бог свидетель, только это и помогло ей пережить детство. И доучиться в колледже. И все эти годы дожидаться Адама.

Все благодаря четким планам.

Сюзанна молча пошла по берегу навстречу разрастающемуся в небе солнечному сиянию. Слова Адама продолжали крутиться в ее голове.

Неужели она и вправду любила план больше человека?

Ее ноздри вновь уловили аромат его кожи, а за плечом раздалось негромкое:

— Я понимаю. Ты не хотела повторить путь своих родителей — ссориться, драться, разводиться...

— ...И жениться опять.

Глория и Гибсон Трутт среди местных христиан прославились тем, что каждый год свидетельствовали в церкви о своем «неудавшемся» разводе. Они по-прежнему вздорничали и цапались между собой, но все же любили друг друга. Иисус хорошо поработал над сердцами ее родителей.

— Просыпаясь по утрам, ты не знала, чего ожидать — войны или мира. Ты ненавидела это чувство и поэтому так полюбила планы. С раннего детства.

— То есть это я во всем виновата?

— Нет, я просто хочу сказать... — Он осторожно погладил ее руку. — Может быть, только поэтому ты и держалась за свой план. Он давал тебе ощущение безопасности.

— Так ты в Афганистане обучался популярной психологии?

Адам отдернул руку и отступил на шаг:

— Помнишь, на тот Новый год папа отвел меня в сторону, чтобы пошептаться?

— Помню.

— Он тогда мне сказал, что если я намерен жениться, то хватит с этим тянуть. Сказал, что заставлять тебя столько времени ждать — несправедливо.

— Как же я люблю твоего отца! — искренне вырвалось у Сюзанны.

— И вот по дороге в Афганистан я немного проехался по Европе — наведаясь в Лондон и Париж, ища единственное в своем роде обручальное кольцо. Прочесал, наверное, сотню магазинов, пока наконец не нашел под Парижем одну небольшую лавку.

— погоди, ты... купил кольцо... для меня? — Сюзанна нерешительно шагнула чуть ближе к Адаму.

— Ну да, — задумчиво кивнул Адам. — Я уже было вытащил из кармана кредитку, но когда продавец спросил, как зовут мою милую, у меня внутри словно замкнуло. Я никак не мог вспомнить ее имя.

— Как меня зовут? Ты забыл мое имя? — Сердце Сюзанны до краев затопила печаль.

— Пус-то-та! — Он выразительно щелкнул себя по лбу кончиками пальцев. — Мои мысли были заняты

предстоящей службой в Афганистане. Я словно продукты домой покупал по списку, а не кольцо для *миллой*.

— И все? То есть ты по дороге решил пробежаться по магазинам, а когда тебе показалось, будто купить кольцо — то же самое, что купить молоко, сразу подумал, будто я тебе больше не подхожу? Будто следование плану иссушило нашу любовь? — Сюзанна покачнулась. Ее душа балансировала на тонкой грани между ужасом и покоем. Что стало с ее всегда рассудительным женихом? — А в это время Шери была с тобой?

— Нет, Сюз. Перестань. Шери и я? — Он стоял, упершись руками в бока, и смотрел куда угодно, только не на Сюзанну. — Просто, достав кредитку, я осознал, что нашел подходящее кольцо, но ошибся с девушкой. — Заблестевшие глаза Адама остановились на ее лице. — А с Шери мы почти не общались, пока снова не встретились пару месяцев тому назад.

— Нашел подходящее кольцо, но ошибся с девушкой? — Сюзанна сложила руки, впившись пальцами в локти, расправила плечи и вздернула подбородок. — Как же кольцо может быть подходящим, если невеста — не та? Это... бессмыслица.

— Я понял, что очень хотел бы однажды вручить его суженой, но... — Адам выглядел таким напряженным, словно усиленно греб против течения. — Клянусь жизнью, я так и не смог представить, что надену это кольцо именно на твой палец.

— Адам, с тех пор прошло целых семь месяцев. И ты только сейчас сообщаем мне об этом? Мы же переписывались, разговаривали?..

— Мне нужно было подумать. А вдруг это просто страх женитьбы или что-нибудь в этом духе? И потом мне не хотелось на расстоянии разрывать наши отношения. Ты для меня слишком много значишь. Двенадцать

лет ожидания стоят большего, чем письмо в электронном ящике: «Дорогая Сюзанна...» или брошенные по телефону слова: «Да, кстати, забыл тебе сказать...»

— Двенадцать лет! — Она круто развернулась и зашагала в сторону «Rib Shack». — Двенадцать лет я тебя ждала, только чтобы услышать: «Я нашел подходящее кольцо, но ошибся с девушкой»?

— Сюз, я с тобой честен. — Адам пошел, даже побежал перед ней спиной вперед: он был в превосходной форме. — Подумай сама, и ты поймешь, что чувствуешь то же самое.

— Вот только не надо мне говорить, что я чувствую. Не надо... — Она попыталась его обогнуть, но Адам быстро развернулся и пошел рядом. — ...Приписывать мне свой необдуманый шаг.

«Надо же, “но ошибся с девушкой”!» Его слова отзывались в душе гулкими раскатами эха, болезненно сотрясая ее до самого основания.

— Ты же знаешь, я прав.

Никакие ревущие трубы, никакие колокола не заглушили бы сейчас этого голоса. «Люди добрые, как же так? А ведь он действительно прав, он прав... Чтoб ему!»

— Я не знаю, что тебе сказать, — обронила Сюзанна, продолжая шагать к «Rib Shack».

Как она могла проглядеть? Заклинило ее, что ли, от собственного упрямства?

— Сюз, в мой прошлый приезд мы повидались от силы шесть раз. Ты почти не навевывалась в Вашингтон.

— Я работала. У меня свои обязательства. — Она ускорила шаг. — Ты тоже не слишком-то рвался на родину.

— Работала? В «Rib Shack»? — Адам раздраженно махнул рукой в направлении пляжной закуской. — Да ты в любую минуту могла отпроситься!

Она выдохнула и замерла на месте.

— Хочешь со мной порвать — вперед, но не переключай вину на меня.

— При чем здесь вина? Это всего лишь мое наблюдение. Сюз, ты знаешь, что я прав. Мы не любим друг друга по-настоящему. Ну, было увлечение в старших классах. Оно давно улетучилось.

— Улетучилось? Такими-то словами ты рассуждаешь о браке? — Она приставила ко лбу ладонь и устремила взгляд на океан. Вечерний прилив усиливался. С каждой пенной волной, что, шипя, отползала от берега, Сюзанна все более прозревала. Как же она могла ничего не видеть? Истина уже просачивалась в ее мысли, в сердце, задевая чувства.

— Нам было удобно. Отношения складывались. Все шло довольно гладко. И мы действительно по душе друг другу, Сюз. Даже очень.

Она пробуравила его взглядом:

— Мне двадцать девять, Адам. И я хочу замуж. Ты — единственный, с кем я встречалась, если не считать того короткого танца с Бобби Конвеем на выпускном балу в седьмом классе. — Сюзанна широко развела руки. — И что? Ты наездился, отслужил, готов остепениться, начать семейную жизнь, и теперь я вдруг не у дел?

По своему обыкновению она выплескивала наружу все, что было у нее на душе. Из гордости не сдавалась и продолжала бороться, но настоящего гнева ощутить не могла.

— Что? Ты хочешь, чтобы я женился на тебе *просто так*? — не веря своим ушам, почти ужаснулся моряк.

— Да, Адам, да. Хочу.

Под напором решимости терзавшие Сюзанну сомнения отступили. Двенадцать лет ее жизни только что полетели коту под хвост. И что? Она должна просто уйти,

напоследок бросив: «Все нормально, это была шутка. Рада, что мы все выяснили. Удачной тебе новой жизни?»

— Ты это не всерьез.

— Мы поклялись друг другу в любви. Мы обсуждали совместное будущее. — Вдали неожиданно разворчался гром. Разозлившись, Сюзанна ткнула Адама указательным пальцем в грудь. — У нас. С тобой. Был. Уговор.

Адам перехватил ее палец:

— Я люблю Шери. Я начал встречаться с ней только тогда, когда понял, что мы с тобой не любим друг друга, как должны любить друг друга муж и жена. Если бы за время моей отлучки ты нашла себе подходящего парня, то это *ты* сейчас объясняла бы *мне*, что с кольцом все в порядке, а вот со мной — не очень. Ты бы поняла, что не ощущаешь в себе любви, которую должна питать к будущему мужу.

— Хватит рассказывать мне о *моих* ощущениях!

Ее ладони сами собой сжались в кулаки. Тут ему не война! Раскомандовался! Эта его дурная привычка уже не раз становилась причиной многих ссор между ними.

— Ну, тогда посмотри на меня. — Он указал на нее расставленными пальцами, а потом на свои серьезные немигающие глаза. — Посмотри на меня и скажи, что любишь. Так, как должно любить человека, с которым вступаешь в брак.

— Не знаю, о чем ты. Любовь — она и есть любовь.

— О Шери я мог бы запеть во все горло.

— Запеть, ха! Она хоть раз слышала твое пение?

— Слышала. И все равно не против, чтобы я пел.

Сюзанна со вздохом скрестила за спиной опустившиеся руки. Внезапно ей расхотелось спорить.

— Значит, ради меня ты бы во все горло петь не стал?

— Нет, извини. Мне жаль. — Его пристальный взгляд был полон искреннего раскаяния.

— Да уж, мне тоже, — сказала она и побрела по дюнам к «Rib Shack». Туда, где мама, сестренка Эйвери и все прочие ждали от нее новостей.

Новостей о помолвке.

— Сюз?

Она обернулась через плечо:

— Со мной все нормально.

Не дожидаясь ответа, Сюзанна шла прямо по зарослям тонких желтых метелочек. Уже на тропинке она обулась и, чтобы скрыться на время от лишних расспросов, отправилась не на кухню, а на парковку.

Она никогда не грезила романтическими сказками, в которых рыцарь в сияющих латах или принц на белом коне прискакал бы и спас ее от дракона. Сюзанне вполне хватило бы «жить долго и счастливо» с ее вернувшимся из походов моряком. Ну, и как ей *теперь* распорядиться остатком жизни?

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Пойду, что ли, прокачусь.

Натаниэль осмотрел обеденный стол, ища глазами ключи от автомобиля — взятого напрокат черного внедорожника. Вроде бы именно здесь их оставил вернувшийся к завтраку после утренней прогулки телохранитель Лиам.

— Куда думаешь прокатиться? — С озабоченным видом пересекая комнату, с айпадом в руках к нему подошел секретарь Джонатан.

— Куда глаза глядят.

«Куда же запропастились эти ключи?» Натаниэль приподнял газету, которую за завтраком листал телохранитель. «Ага...»

— Лиам ушел на пробежку, — сказал Джонатан и вновь уткнулся в экран своего айпада, наверняка просматривая электронную почту. — погоди, он скоро вернется.

— Без него обойдусь.

Секретарь изумленно поднял глаза:

— Ты же не поедешь один?

— Это крохотный островок, по нему можно проехать и без охраны. Никто даже не знает, что я на Сент-Саймонсе.

— Миссис Батлер знает.

— Да, но она не станет об этом болтать, ведь я — главный сюрприз ее вечеринки. Кроме того, американцам интереснее британские принцы. Нас, парней из Брайтона, тут не очень-то замечают.

— Его Величество оторвет мне голову, если с тобой что-нибудь случится.

— Мне что, оставить записку, мол, уезжаю на свой страх и риск один, в случае чего прошу тебя ни в чем не винить?

— Оставь этот иронический тон.

— А ты перестань попусту волноваться, Джонатан.

Натаниэль повернулся к нему спиной, показывая, что разговор окончен. Он собирается прокатиться, причем один, и точка.

Вот уже целых три дня, проведенных в столетнем американском семейном особняке, Натаниэль видел только пляж — красивый, что и говорить, — да постную мину секретаря на пару с мрачной физиономией телохранителя. Прямо скажем, не самое услаждающее взор зрелище, хотя, казалось бы, все это близкие друзья. Натаниэлю так надоело бездельничать в этой компании, дни напролет проводя за просмотром фильмов и старинной брайтонской карточной игрой, что он готов был лезть на стену.

Строго говоря, они прибыли на остров не на отдых, а по делам. По королевским делам, если точнее. А значит, Королевство Брайтон задолжало Натаниэлю полноценный отпуск, в котором было бы жаркое солнце, прибор и, возможно, симпатичная девушка за обедом.

В свете изложенного могут же секретарь и нежно любимая родина подарить ему час-другой беззаботной прогулки, не так ли?

Джонатан торопливо обогнул диванчик и догнал Натаниэля в передней:

— Ты хоть знаешь, куда направляешься?

— По счастью, нет. — С этими словами Натаниэль оставил секретаря и вышел на свежий воздух навстречу свободе. Да, он любил свой Брайтон с его пасмурной погодой и бодрящим морозцем, но любил и солнце, зной, бескрайнее синее небо Джорджии. — Это маленький остров, и я на нем не заблужусь. Я в этом уверен, — улыбнулся он Джонатану.

Как тот посерьезнел, как напрягся! Этот человек чересчур близко к сердцу принимал свои обязанности секретаря при наследнике престола.

— Я с тобой!

— Джонатан, мне просто нужно побыть одному, — бросил Натаниэль, усаживаясь за руль. — Мне нужно подумать.

— О чем?

— Не знаю... О жизни.

Секретарь вздохнул и опустил худые плечи:

— Мобильник взял?

Принц похлопал себя по карману брюк, где лежал телефон:

— Не скучай, Джонатан, я скоро. Ты же чем-то там занимался?

Вырулив с подъездной дорожки, Натаниэль повернул на юг, к бульвару Оушен, и тут же нажатием кнопки открыл все окна. Сухой июльский бриз ворвался в салон, растрепал путешественнику волосы и заодно разогнал глодавшие душу невеселые мысли.

Натаниэль отпустил педаль газа, выставил в окно локоть, уселся посвободнее и направил большую машину сквозь танцующие солнечные пятна туда, где яркий свет дня уступал место рельефным вечерним сумеркам.

При виде старушки, которая мирно катила на велосипеде по пыльной обочине, беспокойство принца немного рассеялось.

Все-таки перед отъездом из дома он получил не самые радостные известия. Здоровье отца ухудшалось. В глубине души Натаниэль подозревал, что тот отослал его на остров не столько чтобы потешить свою дальнюю родственницу Карлин Батлер, сколько чтобы дать сыну возможность в последний раз «погулять на свободе». В свои тридцать два принц был уверен, что перед ним еще годы, а то и десятилетия до восхождения на престол.

Оказалось — месяцы, в лучшем случае — год.

Натаниэль так уверенно преодолел очередной поворот, словно ездил по здешним дорогам всю жизнь.

Ему нужно было время, чтобы осознать мудрость отцовских наставлений. Чтобы избавиться от мятежности и опрометчивости, свойственных его молодому возрасту.

«Не пройдет и года, как ты станешь королем. Готовься», — сказал отец совершенно будничным тоном. Таким деловым... Первым делом король, а потом уже человек.

«Нет, папа, ты поправишься...»

Притормозив перед светофором, Натаниэль почувствовал долетающий откуда-то сладкий запах жасмина. Аромат напомнил ему о детстве. О летних каникулах в доме Паррсонов вместе с папой, мамой и младшим братом Стивенном.

Когда загорелся зеленый свет, принц устремил вперед свой внедорожник, решив сделать крюк по Фредерика-роуд до Демир-роуд.

Пожалуй, эта поездка — и впрямь подарок судьбы. Свежий взгляд на вещи не помешает. Его жизнь круто меняется, ведь так? Слишком круто. И неожиданно.

Едва он вернется домой, как все начнут торопить его с выбором невесты. Сначала мама, потом отец. Далее — королевская канцелярия. Возможно, попытается сказать свое слово и премьер-министр.

«Скажи-ка, Натаниэль, ты уже думал о выборе спутницы жизни? Престолу необходим наследник».

В последнее время газетчики Брайтона, подражая своим британским и германским собратьям, ради увеличения продаж взялись сочинять непристойные историйки о членах монаршей семьи и в том числе измышлять небылицы о матримониальных планах Натаниэля. Ему успели припомнить и неразборчивость юных лет, и то, что за последнее десятилетие у наследника престола не было ни одного сколько-нибудь серьезного романа. Надо же... Десять лет! Впрочем, его несколько раз видели в обществе прекрасной леди Женевьевы Хоторн...

Натаниэль направил автомобиль по дамбе Торрас в сторону Брансуика, поворачивая то вправо, то влево, как диктовала дорога.

После одного особенно резкого правого поворота в глаза ему бросился указатель «Принс-стрит».

Сбросив скорость, внедорожник медленно плыл в тени раскидистых дубов, в кронах которых тихо шелестел вечерний бриз. «Принс-стрит»... Указатель пробудил в сердце надежду, что все будет хорошо, точно Натаниэль и впрямь оказался в нужном месте в нужное время. Довольно редкое чувство в жизни наследника престола!
«Господи, я готов...»

Он уже собирался повернуть обратно, когда его внимание привлек громкий женский голос. Натаниэль вытянул шею, вглядываясь в сумрак вперемешку с неяркими пятнами солнечного света. Под исполинским дубом с изрезанной старческими морщинами корой стоял автомобиль, его решительно обходила девушка, а следом за ней волочился какой-то оборванец.

Девушка решительно остановилась, выразительно покачала в руке какой-то железякой и указала ею на до-

рогу, словно велела тому оборванцу немедленно уходить. Мужчина шагнул ей навстречу, хищно ухмыляясь. Она замахнулась...

«Молодец, девчонка!»

Натаниэль подкатил на своем внедорожнике к старому дубу, остановился рядом с маленьким зеленым «Sabrio» и вышел из автомобиля.

— Могу я тебе помочь?

Незнакомка повернулась (пробившиеся сквозь листву тонкие лучики света озарили ее золотые волосы) и красноречиво округлила глаза.

— Вот и ты! Почему так долго? — С этими словами она протянула ему железяку. — А я как раз говорила этому парню, что жду тебя... *дорогой*. — Она скорчила рожу. — Представляешь? Опять спустило шину! — Она рассмеялась, но без веселья в голосе. — А гайки крепления заело — ни туда, ни сюда!

— Сейчас разберемся. — Натаниэль принял у нее из рук гаечный ключ и внимательно осмотрел колесо.

В свое время ему пришлось заменить немало спущенных шин. В годы учебы в университете гонять на машине по сельским дорогам было его любимым занятием, позволяющим выпустить пар, порезвиться.

Принц перевел взгляд на мужчину в татуировках и с пирсингом. Худой, в каких-то засаленных лохмотьях... Явно хочет денег. Кстати, незнакомка и сама бы с ним справилась, если бы дело дошло до драки.

— А ты можешь идти.

Мужчина попятился:

— Я просто хотел помочь.

— Да, но я просила оставить меня в покое, а ты не послушал. — Незнакомка шагнула к хулигану. Руки в боки, глаза пылают... Натаниэль улыбнулся: она все больше ему нравилась. — Иди-иди, куда шел.

Принц вытащил из кармана двадцатку, которую, отправляясь на прогулку, взял на непредвиденные расходы, обошел блондинку и сунул бумажку в заскорузлую мужскую ладонь:

— Купи себе горячий ужин.

Оборванец развернул банкноту, посмотрел ее на про-свет и злобно сверкнул глазами:

— Богатенький! Думаешь, тебе все позволено?

— А ты? Думаешь, это прилично — навязывать свое общество даме, когда она просит тебя уйти?

Мужчина выругался, спрятал бумажку в карман и куда-то побрел, продолжая бормотать себе под нос грязную брань.

— Вот уж кому я в жизни не подала бы, — напусти-лась на своего спасителя незнакомка, еще не пришедшая в себя после пережитого испуга. — Он купит бутылку или наркотик, это же ясно!

Бросив на девушку внимательный взгляд, Натани-эль пожал плечами. *«Кажется, не признала»*. Да и кто ожидал бы встретить настоящего принца в таком месте и в такое время?

— А может, все же поест. Парню это явно не повредит.

Пальцы сжали холодную рукоять гаечного ключа В этой девушке было что-то такое, отчего Натаниэлю захотелось ее обнять и успокоить, сказав, что ему на-плевать, как этот хам поступит с деньгами, лишь бы она сама была в безопасности.

— Мы раньше встречались? — спросил он вдруг, хотя точно знал, что нет, не встречались. Между тем ее черты почему-то казались ему до боли знакомыми. Теп-лыми, совершенными.

— Нет, — просто ответила она, забирая гаечный ключ. — Спасибо, что остановился. Я тебе очень при-знательна. Дальше я справлюсь сама.

Голос у нее задрожал, и она отвернулась, однако Натаниэль заметил сверкнувшие в глазах незнакомки слезы.

— Ты уверена? А как же шина? Я столько их поменял в свое время! — Принц протянул ей раскрытую обращенную вверх ладонь. — Давай сделаем это вместе, и ты себе спокойно поедешь...

— Спокойно? Куда, зачем? — Она прислонилась к своей машине, тяжело вздохнула и переложила чуть растрепанные ветром волосы, собранные в конский хвост, на плечо. — Дурацкий день, просто ужасный!

Услышав негромкий всхлип, Натаниэль опомнился:

— Эй, в чем дело? Не может же все быть так плохо!

Она в сердцах пнула спустившее колесо:

— Дурацкий, ужасный день!

— Это просто шина.

Девушка подняла на него сердитые и словно обведенные розовой краской голубые глаза в слезах:

— Понимаешь, мы собирались быть вместе всю жизнь! Двенадцать лет... Кто будет дожидаться двенадцать лет, если это не навсегда?

— А, поругалась с парнем?

— Поругалась? Нет. Все кончено — все, чего мы хотели от жизни, от наших отношений. — По ее гладким щекам покатались первые слезинки, которые она резко смахнула тыльной стороной ладони. Снова пнув спущенную шину, девушка шагнула к исполинскому дереву. — Сама не знаю, зачем я здесь. Просто села в автомобиль и поехала... — Она обернулась на свою машину и скорчила выразительную гримасу. — И вдруг оказалась под старым добрым Дубом влюбленных.

— Значит, у этого дерева есть имя? И, наверное, история? — Натаниэль подошел ближе к дубу, всматриваясь в толстые прихотливо изогнутые ветви великана, похожие на колышающуюся в морской воде медузу.

— Да, целая легенда. Говорят, этот дуб посадили девятьсот лет назад на том месте, где индейские воины встречались со своими возлюбленными. — Она положила руку на изгиб нижней ветви, словно хотела ощутить ее пульс, выведать истории давно минувших дней. — Как, по-твоему, это правда?

Натаниэль знал толк в легендах, в неотделимых от истории Брайтона — а тем более от пятисотлетнего родословного древа монаршей семьи — сказаниях о любви, верности и отваге.

Девушка подняла на него глаза:

— Я мечтала о помолвке под этим дубом. Чтобы на его ветвях висели гирлянды белых мерцающих лампочек. А там, — она указала рукой направление, — играл бы, например, струнный квартет... Хотела чего-то особенного, романтического.

— Но у твоего парня были другие намерения.

В уголках ее глаз опять заблестели слезы.

— Я... я просто... просто ждала... — Она безутешно покачала головой. — Надо же быть такой глупой!..

— А по-моему, нельзя называть глупым человека, который способен отдать кому-то свое сердце.

Девушка присела на пень у самых корней дуба и, закрыв лицо руками, тихо заплакала.

«Что же делать?» Мы почти незнакомы. А еще эти слезы...» Натаниэль никогда не знал, как общаться с плачущими.

— Мне кажется, здесь нужна большая смелость. Ну, чтобы отдать свое сердце. — Хотя ему-то откуда знать? Он только раз потерпел в этом неудачу и с тех пор даже не пытался завязать новые отношения.

Девушка утерла рукавом лицо:

— Я ведь многого и не ждала. Просто любви и верности, понимаешь? Верила, что он сдержит слово...

возьмет меня в жены. В детстве я никогда не знала, как в следующую минуту поведут себя мои родители — не то помирятся и поцелуются, не то начнут кидать друг в друга тарелки. Мне хватило бы спокойных, мирных, простых отношений. Я не спешила. Мы оба окончили колледжи, начали строить карьеры. — Она долго прерывисто вздохнула. — Он четыре раза отслужил в Ираке и Афганистане.

— Военный?

— Моряк. Капитан.

— Я тоже служил на море. Четыре года.

— Тоже воевал? — спросила она, слегка выпрямившись.

Как ему признаться? Сословное положение не позволяло ему воевать по контракту. Для соотечественников гибель Натаниэля представляла бóльшую опасность, нежели любые действия врага.

— В зонах конфликта я не бывал, нет.

— Ты из Англии?

— Из Королевства Брайтон.

— Брайтон? Там очень красивые сады.

— Ты видела наши сады?

— Изучала в колледже. Я ведь ландшафтный архитектор, когда не подаю барбекю в «Rib Shack». — Ее взгляд прояснился, голубые глаза загорелись. — Когда я подумала, что он решил на пляже сделать мне предложение, то забыла и про дерево, и про гирлянды белых мерцающих лампочек, и про струнный квартет. Только бы наконец-то сдвинуться с мертвой точки! — Она стукнула себя кулаком по ладони и чуть ли не рассмеялась в голос.

— Ты очень красивая. Наверняка у тебя много поклонников.

— Поклонников? Много? Нет-нет... Нет... Послушай... Как тебя зовут?

«По крайней мере, наш разговор отвлекает ее от слез. Кажется, даже придает ей сил».

— Нэйт, — сказал принц, протягивая руку. — Нэйт Кеннет.

Он не соврал, просто назвал свое имя не полностью, предпочтя его сокращенный вариант. Так Натаниэль привык представляться во время путешествий.

— Сюзанна Трутт, — представилась она, пожимая ему руку.

И это прикосновение показалось принцу очень приятным.

— Так на чем мы остановились?

— Что? Ах, да, ты сказал... — Глаза девушки задержались на лице собеседника, ее рука — в его руке. — Что-то про множество поклонников? — Она отняла ладонь, и принц едва удержался, чтобы не схватить ее снова, но вместо этого до боли сжал свои пальцы. — Не нужны мне поклонники. Только *один* мужчина. — Сюзанна подняла указательный палец. — Одна-единственная настоящая любовь.

— А такая бывает?

— Да.

— Почему ты в этом уверена?

Она прижала ладонь к груди:

— Так подсказывает сердце. Для меня — одна. Единственная.

Ее слова отозвались в нем эхом, ярко вспыхнули, обожгли, пробудили к жизни его собственные мечты.

— Ты меня почти убедила.

— Ну, тогда ты такой же глупец, как и я. — Отломив от дерева мертвый сучок, она раскрошила в ладони сухие листья. — Я-то думала, что нашла *его*... — Труха от листьев медленно осыпалась на землю. — Но, как оказалось, ошиблась. — Она снова протяжно неровно вздохнула.

— Может, вернется?

«Если у этого парня еще остались мозги... Как он вообще мог от нее уйти? От Сюзанны?»

— Он встретил другую. — Ее глаза снова заблестели, кончик изящного носа порозовел. — Сказал, что нашел подходящее кольцо, но ошибся с девушкой.

— Так и сказал? Откровенный парень. И все-таки жестковато.

Покачав головой, она постучала себе пальцами в грудь:

— Хуже всего, что я все время ждала, когда он сделает мне предложение, но при этом ни разу ясно не представляла себе своего ответа. Услышав эту фразу... ну, про кольцо и девушку... я разъярилась. Ух, как разъярилась! Но чем дольше мы об этом говорили, тем отчетливее я понимала... У нас был всего лишь школьный роман, и он давно себя исчерпал. И вот теперь мне кажется, что предложи он мне руку и сердце на самом деле... — Сюзанна отломила еще один тонкий сучок. — Не уверена, что я ответила бы согласием.

— Не уверена?

Натаниэль прикусил язык, чтобы не закричать «ура!». Да какое право этот нахал имеет на сердце красавицы, если готов разбить его таким жестоким признанием?

— Ох... Не знаю. — Южный выговор придавал ее словам удивительную прелесть. — Я вцепилась в него... — Она резко сжала пальцы, словно могла поймать ими воздух. — Он сказал, что я больше любила наш план, чем его самого. Разве такое бывает? И я заявила, что он сошел с ума. Но знаешь, пожалуй, он был прав. Нельзя складывать все яйца в одну корзину — ставить всю свою жизнь на брак с Адамом Питерсом. Вот и все. Конец истории.

— Значит, ты тоже его не любишь?

— Да... Нет... Я не знаю. — Она прищурила глаза. — А не слишком ли ты любопытен? Мы только что

познакомились... — Девушка то ли всхлипнула, то ли усмехнулась. — Но, знаешь, я сейчас ощущаю такой покой... — Она прислонилась спиной к дубу. — Давным-давно со мной такого не было. Я словно слишком крепко за что-то держалась и даже не могла разглядеть, за что, понимаешь? — Еще бы ему не понять! — Потом отпустила, смотрю — руки все в мозолях, а золото из зарытого под радугой горшочка* оказалось горстью блестящих на солнце конфетных фантиков.

Натаниэль с трудом подавил смешок, ведь Сюзанна явно не собиралась шутить.

— Зато теперь будущее в твоих руках.

Она посмотрела на свои ладони, словно ожидая увидеть на них мозоли.

— Сколько времени ушло впустую... И вот, пожалуйста, нате вам: сижу, изливаю душу первому встречному.

— Ну, я ведь уже не совсем чужой тебе человек, просто для тебя новый... — Еще минуту назад она ему нравилась, теперь он ее почти обожал. — А как у тебя с карьерой?

— В ландшафтной архитектуре в последнее время дела не очень. Люди не занимаются перепланировкой садов и участков, им жалко на это денег. — Покосившись на сумеречное небо, она потянулась за гаечным ключом. — У тебя, наверное, полно других дел, и поинтереснее, чем болтать тут со мной. А колесо я поменяю сама.

— Мне чрезвычайно приятно с тобой разговаривать. — Натаниэль подошел к автомобилю и встал на одно колено. Он готов был поцеловать проколотую шину, которой недавно достался злобный пинок, ведь благодаря ей он познакомился с очаровательной Сюзан-

* Согласно ирландской легенде, там, где начинается радуга, спрятан горшочек с золотом, охраняемый лепреконом.

ной. — Завидую я тебе: вся жизнь впереди, делай что хочешь, занимайся чем хочешь, можно все начать с чистого листа.

— Давай продолжай, болтун. Глядишь, я начну тебе верить.

Она установила домкрат. Между тем принц ослабил гайки крепления.

— Подумай о тех, чья жизнь расписана от и до со дня их рождения. И ничего-то в ней при всем желании не изменить.

— Среди моих знакомых таких людей нет. Разве что Мозе Уотсон, отец которого — специалист по сделкам с недвижимостью и которому достанется его состояние, но они — миллионеры, и я что-то не слышала, чтобы Мозе жаловался.

— Но если твой Мозе захочет отсюда уехать и заняться чем-то другим — он сможет?

— Теоретически да. Хотя, боюсь, с его стариком приключится родимчик.

Натаниэль рассмеялся. Эта девушка заставила его забыть о тяжелом бремени будущего, распланированного вплоть до мельчайших подробностей не только по воле его родителей, но и под давлением пятисотлетней истории королевской династии.

Ночами он часто не мог уснуть, предаваясь размышлениям о своей судьбе, и порой даже задыхался от ужаса.

Но прямо сейчас Королевство Брайтон и все-все планы ушли куда-то на задний план, уступив место летнему бризу, что шелестел в кроне Дуба влюбленных, и колесу, которое нужно было заменить.

Выкрутив гайки, Натаниэль снял с оси спущенное колесо.

— Мы с друзьями по университету часто пылили по сельским дорогам на выходных. — Он углубился

в воспоминания и задумчиво продолжал: — У кого-то из нас постоянно прокалывало шину, но это нестрашно, когда рядом есть кому помочь.

— Кажется, ты скучаешь по тем временам, — заметила Сюзанна, поглядев на него из-под выбившихся из конского хвоста золотых прядей.

— Тогда все было иначе. Юность, горячие головы... Мы считали себя победителями мира.

— А теперь?

— Теперь я уважаемый человек. Никакой горячности, никакого чувства непобедимости.

— Это плохо?

Сюзанна достала записку и подкатила ее к Натаниэлю.

— Прямо сейчас — терпимо... — Он помолчал. — Да, вполне.

На мгновение поддавшись нежным чарам Юга, Натаниэль позволил мисс Сюзанне Трутт проникнуть в самый сокровенный уголок его души.

